

Без минуты обсуждения

Владимир Яковлевич!

Это восьмое письмо вам. Пусть же прочтут его и ваши телезрители — поклонники «Что? Где? Когда?». Может, кому-либо из них пригодится наш весьма печальный опыт общения с вашей передачей... Семь (!) предыдущих обращений, написанных моей племянницей вам и вашим сотрудникам, за последние полтора года не удостоены ни единой строчкой ответа! Напомню суть того, что можно было бы назвать перепиской, если такой термин применим к потоку посланий в пустоту.

В двух первых на ваше имя еще в середине декабря 1990 года предлагались два вопроса для игры. С письмами была вложена и фотография автора. Передача очень любезно, а главное, на редкость оперативно (не прошло даже одиннадцати месяцев) ответила на них строчкой телеграфного текста: «Вопрос принят. Вышлите фотографию». На этом воистину цирцеронское красноречие программы, а с ним и самая элементарная этика взаимоотношений с автором вопроса были исчерпаны. Что ж, строка через одиннадцать месяцев — тоже внимание. А ведь именно за счет интеллектуального потенциала зрителей-авторов и существует ваша передача, но большего почтения они все-таки не заслужили. Подумаешь, автор вопроса...

В следующих письмах вместе с недоумением по поводу того, сколько нужно фотографий —

уж не альбом ли послать, — содержалась просьба объяснить, какой из вопросов принят, и излагались авторские соображения по эфирной подаче материала. «А в ответ — тишина...».

Далее на ваше имя, с подчеркиванием убедительной просьбы вручить лично, направляются еще три письма: В них предлагалась новая идея игры: один телезритель против шестерки клуба знатоков. Было рассказано, какой серьезный труд вложила автор в подготовку 14 оригинальных вопросов для такой игры. Предлагалась идея свободного общезанятого конкурса составителей таких программ-вопросов. Предполагающего полет самой дивной безудержной фантазии.

Возможно, передача считает, что идея такого конкурса не найдет приверженцев. Да и придумать нужное количество качественных вопросов невероятно сложно. Вы можете еще предположить, что вопросы, так и оставшиеся в письменном столе автора письма, тоже не соответствуют уровню. Но! Для конкретной телезрительницы это только ее предположения, ибо неприступное ведомство «Что? Где? Когда?» свято хранит свои тайны. Клянусь, Владимир Яковлевич, никакими сотнями тысяч с игрового стола не компенсировать вам такого наглывательства на людей, соперничающих программ.

Через месяцы в телефонном 30-секундном разговоре редак-

тор передачи Е. Бялко мгновенно подвела итог и «безудержности», и «фантазии», заявив: «У нас полно таких предложений. Мы на них не идем, так как игра у нас коллективная».

Но речь-то ни в коем случае не шла об ущемлении кого-либо из телезрителей. Наоборот, предлагалось стимулировать творческую активность аудитории и проводить как игры зрителей-победителей конкурсов, так и обычные.

Я даже знаю, что вы можете на все изложенное возразить. По поводу безответности писем — элементарно! «Пишут миллионы... Нет людей... Нет возможностей...». Вот и готово. Да, на миллионы прекрасно списывается многое в нашей жизни. Но почему нельзя воспользоваться давним способом, который был упомянут в одном из писем, — отвечать телезрителям заранее размноженным кратким текстом. Хотя бы авторам вопросов. В таком ответе достаточно всего-то двух фраз: «Ваш вопрос рассматривается. В случае положительного решения будет сообщено дополнительно». Сделать — сущий пустяк, но человек хотя бы знал, что его труд не съеден почтой, не утерян экспедицией, а получен адресатом и будет рассмотрен.

Так что не восторгаться вашим отношением к людям просто нельзя.

Да, в эфире вы вроде бы выступаете от имени и на стороне телезрителей, а что же в жизни?

Вспоминаю ваш личный вопрос как телезрителя (опять вроде бы вы — телезритель) лет пять назад о бюрократе. Не зря он был удостоен тогда еще почитаемой выше любых денег Хрустальной совы. Теперь остается добавить, что вопрос, к сожалению, был не только очень удачным, но годы спустя оказался еще и очень уместным по отношению к... самому автору.

Наконец-то 27 июня с. г. в финальной летней игре вопрос племянницы появился в эфире. В исключительно откровенной редакции. С искажением не просто авторской формулировки — об этом и речь не стоило бы вести — но и самого авторского замысла. При этом ясно, что просить о согласовании хотя бы принципиальных изменений не приходится.

Ну, конечно, все те же миллионы!

Но ведь вы позволяете себе от имени автора давать такую отсебятину в эфире, что просто оторопь берет. Я уж не говорю о ставших постоянными случаях сугубо несправедливого судейства, причем «сугубо» — только в пользу знатоков. Начало им было успешно положено 15 декабря 1990 года, в столь памятной истории с присуждением победного очка телезрительнице команде Козлова — нынешнего ведущего «Брейн-ринга».

Нынешним летом вы великолепно продолжили опыты судейства в одни ворота, добавили к ним наводящие, подсказываю-

щие вопросы. Между прочим теперь и в материальном отношении ваше решение немало значит. Так, в одном из туров последней летней игры на кону лежало намного больше ста тысяч рублей. И за весьма туманный ответ знатоки получили не только очко, но и те самые сто тысяч рублей. Выходит, что на экране творится то же торжество несправедливости, что и в жизни. В конечном счете это ведет к неприятию игры в целом.

Да, но как ни странно, и в таком ужасном виде вопрос племянницы выиграл пять тысяч рублей. Понимаю, что моей племяннице еще очень крупно повезло. Во-первых, она дождалась эфира вопроса. Ну, а во-вторых, она уже почти два месяца, как млеет от счастья, увидев свои пять тысяч на телеэкране. Есть надежда, что еще годика через полтора она сможет их в руках подержать. К тому времени, глядишь, ей вполне хватит этой суммы на автобусный билет до места работы. Ведь плюс к неуклюжим миллионам писучих, звонючих, несогласючих еще и безобразники из почтового ведомства так мешают авторитету вашей передачи.

С глубоким неуважением, ваш телезритель.

Р. С. Урал 26 августа с. г., всего-то через 59 полных дней после эфира (это внутри Москвы) пришел перевод — 4550 рублей. А я тут про полтора года...

Владимир ВОРОШИЛОВ:

Я еще не создал ту бойню интеллекта, которая у меня в голове

— Главный вопрос нашей программы пока еще не понят до конца: это игра на интеллект, а не на знания. Скажем, знания в размере средней школы. На них, как нам кажется, вполне можно построить личность. У нас программа, в которую могут с равными шансами на успех играть и академики, и плотники.

— Причем неизвестно, кто из них будет играть успешнее.

— Притчей во языцех была команда академиков, которая проиграла тут же, не ответив ни на один вопрос. «Академики» вообще не могут играть, потому что боятся сказать глупость, а без этого игры не бывает. Человек не может мыслить, если он заранее ограничен рамками своего авторитета, своих амбиций или узкого знания.

— Хорошо, что в нашей стране далеко не все академики...

— Кстати, сделать хороший вопрос на несколько порядков труднее, чем ответить на него. Это работа уникальная. Когда-то мы организовывали конкурсы вопросов в президиуме Академии наук, Союзе писателей, ВТО, «Литературной газете», журнале «Знание — сила» — выход минимальный. Умение задать вопрос не зависит от профессии, знаний и квалификации. Просто должен быть одаренный человек. У нас есть охотник из Бодайбо. Мы уже знаем, что любой вопрос, который он присылает, сразу ложится на стол. Живет в Грузии одна домохозяйка...

— Получается, что эти люди поняли, как это делать?

— Каждый вопрос — как бы яйцо. Оно еще в зародыше должно содержать курицу, даже сациви из курицы, которая только родится. Вопрос должен быть с виду легким, чтобы его хотелось решить. На самом деле он обязательно трудный. В нем нужно спроектировать интересную минуту обсуждения. Вопрос из узкой области знаний нас не интересует, он должен быть из того мира, который окружает каждого человека.

— Но даже самые замечательные вопросы могут лежать на столе (!) годами. Ведь волчку не прикажешь. Вообще с момента получения письма до эфира вопроса может пройти уйма времени. Каждый из них проверяется трижды.

— Вы их тщательно отбираете, проверяете, но почему тогда один стоит только тысячу, а другой — пять?

— Перед эфиром собирается последняя отборочная комиссия. Те одиннадцать, которые останутся на столе, оцениваются. Оцениваются субъективно. Как нам, создателям игры, покажется уровень интеллектуальной ценности каждого из них. Бывают и ошибки. Здесь я принимаю

всяческие упреки, но все выигрыши мы исправно отправляем.

— А упреки по поводу появившихся в программе денег вы не принимаете?

— Награда за интеллектуальный труд — денежный эквивалент заработанного очка. Для нас это совершенно принципиальная вещь. Даже если бы 99,9% телезрителей протестовали, мы скорее бы закрыли программу. К сожалению, у нас выработался стереотип: деньги не отражают ценность человека. Наоборот, наличие большого количества денег говорит, что человек либо вор, либо пройдоха, либо карьерист. Это первый стереотип, который мы хотим разрушить. Конечно, бывают извращения. Естественно, деньги можно получить и украсть, но куда естественнее получить их за свой труд. И другой стереотип — работа головой ничего, кроме мороки, человеку доставить не может. Нам понятно: человек поработал руками — плати. А если поработал головой, то это нельзя потрогать руками. За что же тогда платить?

— Да, вас за деньги в игре кто только не склоняет...

— Меня критикуют все: от моей собственной мамы до публики. Очень много ностальгических писем. Люди вспоминают прошлое, наш пик популярности, когда вокруг было пустынное поле застоя. Вспоминают Вешнякову, которая говорила какие-то мудрые афоризмы, дарила книги с надписями писателей. Это было приятно, интеллигентно, задумчиво. Теперь очень многие телезрители недовольны. Но когда мы только вышли в эфир, много лет тому назад, телезрители тоже были недовольны. Они писали: «Прекрасная программа. Мы много узнаем интересного. Единственная просьба — уберите эту никому не нужную минуту обсуждения. Нам интересен вопрос и правильный ответ на него. А во время этой минуты да-

вайте сделаем музыкальную паузу, что ли. А то какой-то шум, говорят что-то. Не интересно. А теперь...»

— А как отнеслись к нововведению сами знатоки?

— Они такие же люди. В этой же стране. У них тоже не сходится понятие умственного творчества и денег. Особенно в первых программах момент оплаты, который наступает тут же, мешал думать. Не буду скрывать, некоторые знатоки категорически выступили: либо уберите деньги, либо мы перестанем играть. И все это под лозунгом: интеллект не продается.

— Но мы будем нищими и будет нищей наша страна, пока мы не пойдем, что прежде всего продается интеллектуальная собственность. И сейчас эти знатоки специально позвали меня на мужской разговор, признали свою ошибку в том числе и старики, та гвардия наша. Сказали: «Нет, это новая игра. Это наша игра».

— Все правильно, но ваша игра все-таки не для знатоков (пусть собираются и играют себе на здоровье), а для телезрителей.

— Я вообще считаю, что популярная игра должна целиком зависеть от публики. Я боготворю публику. Единственное, кого я не люблю! — профессиональных критиков.

— ?

— Они ничего не понимают в телевидении. А нормальный человек, который потребляет телевизионную продукцию, достоин не только того, чтобы его выслушали, но и предприняли все, чтобы программа соответствовала его желаниям. Помните, было два сезона, когда в игре участвовала не одна команда, а несколько. Нас завалили письмами, отвергая такую массовость. Мы подняли руки: вы, уважаемые телезрители, правы, и мы вернемся к прежним правилам.

— Наверное, исполнить все желания вы не в состоянии?

— Предложений у нас сотни каждый день. Наиболее скромные телезрители хотят полностью играть блиц, все три вопроса. Большинство не против завладеть всей игрой. Оставим в стороне проблему, может ли один человек придумать хорошие вопросы на весь стол. Может, человек гениальный? Посмотрим с другой стороны. Программа выходит в эфир только 8 раз в год, 11 мест для вопросов. Претендуют тысячи телезрителей. Имеем ли мы моральное право отдать одному человеку то, что хотят многие?

— Наверное, страждущие хотят, чтобы вы еще подробно ответили, почему не приняли их предложения?

— Смотрите сами: в месяц приходит от десяти до ста тысяч писем. Мы всегда объявляли и еще чаще будем объявлять: мы не можем отвечать. Мы даже не возвращаем фотографии, когда их у нас просят. Нет на это сил. Хотя я очень люблю «хозяйские» письма. Если программа неинтересная, телезритель никогда не будет возмущаться. Люди пишут, что их игрой Ворошилов распоряжается не так. Я это принимаю. Я спорю, но всегда признаю приоритет зрителя. Мы уже давно подсчитали — нужно минимум 100 сотрудников, чтобы отвечать хотя бы на те, которые этого требуют. Да, существуют еще телезрители, которые настаивают, чтобы письмо прочел сам Ворошилов и лично на него ответил.

— Это должно вам льстить...

— Это мне льстит. Только слишком много лести получается. Да, существуют надоедливые люди и их излишняя. И в ответ существует гробовое молчание. Поскольку до меня доходят только цитаты из разных писем, основные мысли. Я даже не знаю, кто именно их написал. Важна суть, чтобы учесть в дальнейшей работе.

— Я имел несчастье... Курьез получился. Чтобы было понятно первое «зеро», я положил на стол свое письмо. Оно было в эфире секунду, но тысячи телезрителей успели списать мой домашний адрес. И теперь появился второй поток писем.

— Какие люди у нас сообразительные...

— Это заслуга программы «Что? Где? Когда?». Но даже на письмо, отправленные на мой личный адрес, я отвечать не могу. Единственное, что могу — извиниться через газету и пообещать, что иначе не будет. А отпечатавать на ксероксе типовые бумажки и отправлять в ответ на душевное письмо телезрителя? Для меня лично это было бы куда большим оскорблением, чем неполучение вообще ника-

кого ответа. Так что нашим ответом может служить все та же программа: меняется не так, как вам хочется, — получили наш отрицательный ответ. А если мы учли ваши пожелания — это положительный ответ на письмо.

— Конечно, у любой игры есть законы развития: рождение, юность, зрелость, старение и умирание. А если вам вдруг надоест играть?

— Более практично говорить, когда я закончусь как человек, живущий на этом свете. А игра — вечная вещь. Что касается меня — я еще не начинал играть. По крайней мере так, как мне хочется. Я еще не создал ту азартную бойню интеллекта, которая у меня в голове. (Наверное, я буду последним, кто интересуется этой игрой).

— Почему вы настроены так пессимистично?

— Почему? Это шутка.

— Как-то несерьезно...

— Нет, для меня игра — святое дело. Посмотрите в словаре: игра — релетияция жизни. Как бы ложная, выдуманная жизнь. Давайте посчитаем: домини создавалось два века, футбол с 1860 года практически без изменений. Рождение игры — более редкое и великое событие, чем создание и крушение империй, победы в войнах. Даже не знаю, хватит ли моей жизни, чтобы действительно создать новую игру. Первая, которую я пытался сделать, — «Аукцион». Вы не родились тогда еще. В нее играли очень многие. Вторая — «А ну-ка, парни!» Теперь — рулетка. Интеллектуальное казино.

— Во что, кроме собственной рулетки, вы еще играете?

— В жизнь. И больше никаких игр не признаю. Мне кажется, что они менее азартны, чем мне хочется. Ни в домино, ни в карты. Скучно мне.

— Шаматы тоже не любите?

— Игрую, но редко.

— За последнее время на нашем телевидении появилось еще несколько игр. «Счастливые случаи», «Поле чудес». Это ваши конкуренты?

— Очень серьезные конкуренты. Только я протестую против слова «появились». Они появились десятки лет тому назад на западном ТВ. Они пришли к нам. Так что конкурентами являются английская игра, точно соответствующая «Случаю», и американский оригинал «Поля чудес» — «Колесо фортуны». С такими конкурентами нужно бороться. Только довольно трудно, потому что они, как и «мыльные оперы», рассчитаны на более широкую аудиторию. Но думаю, что у нас есть шансы победить.

Л. ЗЕЛЬКОВА.